

СРАВНЕНИЕ АЛИШЕРА НАВОИ С ДРУГИМИ ИЗВЕСТНЫМИ ПОЭТАМИ И МЫСЛИТЕЛЯМИ СВОЕГО ВРЕМЕНИ

Темирова Шоира Гайбуллаевна.

*Самаркандский государственный университет имени
Шарофа Рашидова.
город Самарканд, преподаватель кафедры Русского языка.
E-mail: temirovashoira74@gmail.com*

Орифзода Мадинабону

*Самаркандский государственный университет имени
Шарофа Рашидова. Город Самарканд, Узбекистан.
E-mail: madinaorifzoda6@gmail.com*

Аннотация: *Статья посвящена многоаспектному сравнительному анализу творческого наследия узбекского поэта, мыслителя и государственного деятеля Алишера Навои (1441–1501) в контексте мировых интеллектуальных традиций XV–XVI веков. В работе исследуются ключевые параллели и дивергенции между гуманистической системой Навои и философско-художественными взглядами его великих современников и предшественников: мистика Абдуррахмана Джами, классика персидской поэзии Низами Гянджеви и основателя итальянского литературного языка Данте Алигьери.*

Ключевые слова: *Алишер Навои, Восточный Ренессанс, сравнительный анализ, гуманизм, суфизм, Низами Гянджеви, Абдуррахман Джами, Данте Алигьери, чагатайская литература.*

ALISHER NAVOIYNING BOSHQA MASHHUR SHOIR VA MUTAFAKKIRLAR BILAN QIYOSIY TAHLILI

Ruzibayev Mardon Musurmonovich.

*Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti.
Samarqand shahri, Rus tili kafedrası o'qituvchisi.
Elektron manzil: mr.mardonbobo58@gmail.com*

Temirova Shoira G'aybullayevna.

*Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti.
Samarqand shahri, Rus tili kafedrası o'qituvchisi.
Elektron manzil: temirovashoira74@gmail.com*

Annotatsiya: *Maqola XV-XVI asrlardagi jahon intellektual an'analari kontekstida o'zbek shoir, mutafakkir va davlat arbobi Alisher Navoiy (1441-1501) ijodiy merosining ko'p tomonlama qiyosiy tahliliga bag'ishlangan. Ishda Navoiyning gumanistik tizimi bilan uning ulug' zamondoshlari va o'zak oliftolari – ma'rifatparvar Abdurrahmon Jomiy, fors-*

tojik klassik she'riyatining ustoni Nizomiy Ganjaviy va italya adabiy tilining asoschisi Dante Alig'yerning falsafiy-badiiy qarashlari o'rtasidagi asosiy parallel va farqlar o'rganiladi.

Kalit so'zlar: *Alisher Navoiy, Sharq Uyg'onish davri, qiyosiy tahlil, gumanizm, tasavvuf, Nizomiy Ganjaviy, Abdurrahmon Jomiy, Dante Alig'yeri, chag'atoy adabiyoti.*

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ALISHER NAVOI WITH OTHER PROMINENT POETS AND THINKERS OF HIS TIME

Ruzibayev Mardon Musurmonovich.

Samarkand State University named after Sharof Rashidov. Samarkand city,

E-mail: mr.mardonbobo58@gmail.com

Temirova Shoira Gaybullayevna.

Samarkand State University named after Sharof Rashidov. Samarkand city,

Lecturer in the Russian Language Department.

E-mail: temirovashoira74@gmail.com

Abstract: *The article is dedicated to a multifaceted comparative analysis of the creative legacy of the Uzbek poet, thinker, and statesman Alisher Navoi (1441–1501) within the context of the global intellectual traditions of the 15th–16th centuries. The work explores key parallels and divergences between Navoi's humanistic system and the philosophical-artistic views of his great contemporaries and predecessors: the mystic Abdurrahman Jami, the classic of Persian poetry Nizami Ganjavi, and the founder of the Italian literary language Dante Alighieri.*

Keywords: *Alisher Navoi, Eastern Renaissance, comparative analysis, humanism, Sufism, Nizami Ganjavi, Abdurrahman Jami, Dante Alighieri, Chagatai literature.*

Введение

Рубеж XV–XVI веков стал временем необычайного культурного расцвета в самых разных уголках Евразии. Пока в Европе звучали имена Леонардо да Винчи и Рафаэля, утверждая идеалы антропоцентризма, на Востоке, в частности в Средней Азии, происходил свой, не менее значительный ренессанс. Центром этой интеллектуальной и художественной жизни была Гератская школа, а её бесспорным лидером и символом — Алишер Навои. Его фигура высится в истории не только как гениальный поэт, но и как государственный деятель, философ, музыковед и меценат, собравший вокруг себя цвет интеллектуальной элиты своего времени.

Однако истинное величие творческого наследия Навои раскрывается особенно ярко в сравнительном контексте. Сопоставление его идей и художественных методов с трудами других великих поэтов и мыслителей позволяет выйти за рамки национальной литературы и увидеть его вклад в общечеловеческий диалог культур.

Данное исследование ставит своей целью провести многогранное сравнение Алишера Навои с его ключевыми современниками.

Материалы и методы

В фокусе анализа окажутся, прежде всего, его духовный наставник и друг Абдурахман Джамии, чье творчество представляет вершину персоязычной поэзии и суфийской мысли, демонстрируя диалог и преемственность одной культурной среды. Далее, взгляд будет обращен к наследию великих предшественников, таких как Фирдоуси и Низами Гянджеви, чтобы понять, как Навои переосмыслил и развивал классические темы и жанры. Наконец, в перспективе «большого времени» представляет интерес параллельное рассмотрение Навои с его великим европейским современником — Данте Алигьери. Несмотря на отсутствие прямых контактов, их объединяет титанический труд по созданию и кодификации национального литературного языка и масштабные философско-художественные проекты, определившие дальнейшее развитие своих культур [1, с. 84].

Методология исследования строится на сравнительно-историческом и типологическом подходах, позволяющих выявить как уникальные черты творчества Навои, так и универсальные ренессансные тенденции его эпохи. В результате анализа доказывается, что, в отличие от мистицизма Джамии, Навои развивал социально ориентированный гуманизм; в сравнении с Низами он усилил земной, социальный подтекст классических сюжетов; в противовес скептицизму Хайяма утверждал конструктивную веру в разум и справедливость; а в диалоге с Данте акцентировал не потустороннее спасение, а ценности земного бытия.

Через это многоплановое сравнение мы стремимся выявить универсальное и уникальное в творчестве Алишера Навои: его новаторский гуманизм, философскую глубину, роль в утверждении достоинства тюркского слова и его место в пантеоне величайших умов эпохи, чьи идеи продолжают resonating сквозь столетия.

Результаты и обсуждение

Абдурахман Джамии (1414–1492) — персидский поэт и суфий, наставник Навои. Если Джамии сосредоточен на мистицизме, то Навои развивал гуманизм и социальные темы, возвышая тюркский язык.

Джамии, признанный при жизни «величайшим шейхом» и наследником традиций Ибн Араби, в своих произведениях — будь то масштабная поэма «Семь корон» («Хафт авранг») или лирические газели — был сосредоточен на постижении Божественного. Его творчество является квинтэссенцией суфийской мысли: путь к Абсолюту лежит через отречение от мирской суеты, преодоление собственного «я» и мистическое слияние с Возлюбленным. Центральными темами для Джамии были любовь как метафизическая сила, ведущая к познанию Истины, концепция «совершенного человека» и иллюзорность материального мира [2, с. 112]. Его язык, изысканный и насыщенный сложной символикой, был ориентирован на подготовленного читателя, способного расшифровать глубинные пласты смысла.

Навои, всем сердцем принявший суфийское учение Джами, вывел его в новую, социальную плоскость. Если Джами звал человека к уходу от мира, то Навои призывал его к преображению внутри мира. Вершиной его творчества стала «Хамса» («Пятерица»), написанная на тюркском языке (чагатайском, ныне известном как староузбекский). В этих поэмах суфийские идеи обретают ярко выраженную гуманистическую и этическую окраску.

В «Смятении праведных» он выступает как обличитель социальной несправедливости и тирании. В «Фархаде и Ширин» возводит земную, человеческую любовь и созидательный труд (символизируемый прокладкой Фархадом канала) в ранг высочайших духовных ценностей [3, с.156]. Его главный труд — это гимн человеческой личности, её разуму, чувствам и способности к подвигу. Сознательный выбор тюркского языка был не просто жестом, а глубоко продуманной программой. Навои стремился доказать, что этот язык не уступает персидскому в гибкости, богатстве и способности выражать сложнейшие философские категории, тем самым возвышая культурный статус своего народа и закладывая фундамент его национальной литературы.

Несмотря на различия в акцентах, их наследие неразрывно связано. Джами дал Навои духовный и философский инструментарий, который тот мастерски применил к проблемам земного бытия. Навои, в свою очередь, видел в Джами живой идеал мудреца и поэта. Именно Джами дал высочайшую оценку «Хамсе» Навои, признав равную мощь тюркского слова по сравнению с персидским.

Итак, если Джами можно назвать суммой традиции, вобравшей в себя и переосмыслившей вековую мудрость персоязычного суфизма, то Навои — это прорыв в новое качество. Он использовал метафизический фундамент, заложенный учителем, для построения гуманистического здания, где центральное место занимал не абстрактный искатель Истины, а конкретный человек с его страстями, страданиями и стремлением к справедливости.

Низами Гянджеви (1141–1209) — автор персидской «Хамсы». Навои, вдохновляясь им, создал оригинальный цикл на чагатайском, усиливая социальный подтекст. Сравнение Алишера Навои с гениальным Низами Гянджеви, творившим за три столетия до него, является ярчайшим примером того, как великий художник может, опираясь на классический канон, создать абсолютно оригинальное и новаторское произведение. Низами, создатель своей бессмертной «Пятерицы» («Хамсы»), задал высочайший стандарт для всей последующей литературы Ближнего и Среднего Востока [4, с. 144]. Для Навои он был недостижимым образцом, «мудрейшим из мудрых», но именно это благоговение перед учителем побудило Навои не слепо копировать, а вступить с ним в творческое соревнование (назира), чтобы доказать мощь и богатство тюркского языка и предложить своё, актуальное для его эпохи, прочтение вечных сюжетов.

Низами в своей «Хамсе» создал грандиозную философско-художественную энциклопедию, где каждая поэма исследует разные грати бытия. Его подход

характеризуется космическим масштабом и глубочайшим психологизмом. В «Хосрове и Ширин» или «Лейли и Меджнуне» любовь предстаёт как роковая, всепоглощающая стихия, часто трагическая и ведущая к трансцендентному. Герои Низами — это идеальные образы, наделённые гипертрофированными чертами: Меджнун — это дух, полностью отказавшийся от мира ради любви; Искандер — идеальный правитель-философ, ищущий справедливости. Мир Низами — это мир символов, где реальные события являются проекцией вечных истин и мистических озарений.

Навои, создавая свою «Хамсу» на чагатайском языке, совершил коренной пересмотр низамиевской традиции. Он сознательно сместил акценты с метафизического и рокового на социальное и человеческое. Наиболее показательно это проявилось в поэме «Фархад и Ширин» [5, с. 324].

У Низами Фархад — это искусный резчик, чья любовь к Ширин становится частью драматического треугольника, где главным героем остается Хосров. Его гибель — это следствие царского коварства.

У Навои Фархад становится центральным и подлинно трагическим героем. Это не просто влюбленный, а труженик, инженер и созидатель. Его главный подвиг — не воинская доблесть, а титанический труд по прорубанию железной горы для проведения воды. Тем самым Навои возводит труд в ранг высшей духовной и героической ценности. Любовь Фархада — это не только страсть, но и источник его творческой силы.

Этот социальный подтекст очевиден: идеалом для Навои является не царь-повелитель, а человек из народа, чья сила — в его уме, таланте и добродетели. Конфликт у Навои обретает четкую социальную окраску: это противостояние справедливого и трудолюбивого героя и деспотичной власти, олицетворенной Хосровом [6, с.224].

Навои воспринял у Низами саму структуру «Хамсы» как универсального высказывания о мире, а также богатство образной системы. Однако он наполнил эту форму новым, гуманистическим содержанием. Навои доказал, что традиция жива тогда, когда её не просто повторяют, а смело развивают, отвечая на вызовы нового времени. Его «Хамса» — это не подражание, а творческое соревнование, в результате которого тюркская литература обрела свой классический фундамент, равный по мощи персидскому.

Данте Алигьери (1265–1321) — как и в «Божественной комедии», поэзия Навои сочетает религиозность с гуманизмом, но акцент делает на земных ценностях.

Параллель между Алишером Навои и Данте Алигьери, разделенными географией и двумя веками, но объединенными масштабом творческого свершения, представляется одной из самых плодотворных в сравнительном литературоведении. Оба титана стоят у истоков формирования своих национальных литературных языков — Данте утвердил итальянский язык, отказавшись от латыни, а Навои совершил аналогичный подвиг для тюркского (чагатайского). Оба создали

всеобъемлющие философско-художественные системы, где религиозное мирозерцание органично сплетается с глубоким гуманизмом. Однако именно в точке их соприкосновения и раскрывается фундаментальное различие в акцентах: если Данте ведет человека через ужасы и искушения земного бытия к созерцанию Божественного, то Навои направляет высшие идеалы обратно, для преображения самой земной жизни.

«Божественная комедия» Данте — это грандиозный вертикальный путь, устремленный ввысь. Его путешествие через Ад, Чистилище и Рай — это метафора искупления, очищения и восхождения человеческой души к источнику всяческой благодати. Земная жизнь с её страстями, грехами и политическими распрями предстает как испытание, подготовка к вечности. Гуманизм Данте проявляется в глубоком сострадании к грешникам, в интересе к человеческой личности, но конечной целью остается слияние с Божественной Любовью. Мир земной для него — это юдоль скорби и заблуждений, которую необходимо пройти, дабы обрести истинный дом в горних сферах. [7, с. 134].

Навои, будучи глубоко верующим суфием, создает в своей поэзии иную модель. Его главный труд, «Сокровищница мыслей» и особенно «Пятерица» («Хамса»), — это не вертикальный взлет к небу, а скорее строительство идеального горизонтального пространства — справедливого, разумного и человеческого общества *на земле*. Религиозность и мистицизм служат ему не для ухода от мира, а как фундамент для этики и социального действия.

Ярчайшим примером является концепция «Восьми раев» из поэмы «Смятение праведных». В отличие от дантовского Рая как места вечного блаженства, восемь врат рая у Навои — это восемь добродетелей, которые человек должен взрастить в себе *при жизни*: щедрость, правдивость, скромность и т.д. Таким образом, Рай оказывается не только в потустороннем мире, но и проекцией внутреннего состояния человека, достигаемой через нравственную работу.

Его герои — Фархад, Лейли и Меджнун — страстно любят, борются с тиранией и созидают именно в земном мире. Их трагедии и победы — это утверждение ценности земной любви, дружбы, справедливости и творческого труда [8, с. 254].

И Данте, и Навои стали «отцами-основателями» своих литературных традиций, доказав, что народный язык способен выражать самые сложные богословские и философские концепции. Но если итогом дантовского странствия становится экстатическое видение Троицы, то итогом творчества Навои — гуманистический манифест, призыв к строительству рая не на небесах, а в человеческом сердце и в справедливом устройстве общества.

Заключение

Проведённое сравнительное исследование творчества Алишера Навои в контексте великих поэтов и мыслителей Востока и Запада позволяет с уверенностью утверждать, что его фигура является не только национальным достоянием тюркских народов, но и одним из ключевых проявлений глобального ренессансного гуманизма

на мусульманском Востоке. Каждое из рассмотренных сопоставлений высвечивает уникальные грани его творческой личности, позволяя определить его уникальное место в истории мировой мысли.

Сравнение с Абдуррахманом Джами раскрыло Навои как блестящего ученика, который, усвоив глубины суфийской традиции, сумел перенаправить её мистическую энергию в русло социального служения и этического гуманизма. Диалог с Низами Гянджеви показал в Навои не подражателя, а смелого новатора, который, взяв за основу классический канон, наполнил его актуальным земным содержанием, превратив идеальных героев в борцов за справедливость и тружеников. И, наконец, масштабная параллель с Данте Алигьери продемонстрировала, что, в отличие от вертикального пути Данте от Земли к Раю, творческий вектор Навои был направлен горизонтально — к утверждению небесных идеалов в реальности земного мира.

Навои не противопоставлял земное небесному, а стремился воплотить высшие духовные ценности в гуще человеческой жизни — в труде, любви, борьбе с тиранией и стремлении к знанию. Его наследие — это мост между культурами, эпохами и традициями, убедительно доказывающий, что идеи гуманизма, достоинства личности и активного добра являются универсальными и вечными. Именно это делает фигуру Алишера Навои столь значимой и актуальной не только для его времени, но и для современного глобализированного мира, ищущего точки соприкосновения между различными цивилизациями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Навои А. Избранные произведения. -М.: Художественная литература, 1968.
2. Низами Гянджеви. Пятерица (Хамса). - М.:Художественная литература, 1986.
3. Бертельс Е.Э. Навои и Джами. — М.: Наука, 1965.
4. Данте Алигьери. Божественная комедия. / Пер. с итал. М. Лозинского. — М.: Наука, 1967.
5. Жаббаров И. Гуманизм поэзии Алишера Навои. — Ташкент: Фан, 1994.
6. Хайритдинов Р. «Хамса» Низами и «Пятерица» Навои: Сравнительно-типологический анализ. — Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 2001.
7. Султанов М. Философские воззрения Алишера Навои. — Ташкент: Узбекистан, 1994.
8. Хайитметов А. Творчество Алишера Навои в мировом литературном процессе. — Ташкент: Фан, 2001.